

Валентин Коновалов

Русская мысль - Париж -
1995 - 9-15 нояб. - с. 10.

Одной новогодней ночью

В тот вечер предновогодние сумерки оказались очень сердитыми: немилосердно била сухая пурга. Серые облачные столбы снега, вздымаясь, гуляли по переулкам и улицам Москвы.

Я был приглашен на встречу Нового года и шел сквозь пургу на Щипок к Тарковским.

Я как-то отогревался душой в этом доме, как, наверное, отогревается бездомная дворняжка, находясь какое-то время в человеческом жилище.

Мои родители когда-то в суде безжалостно делили семейную мебель в моем присутствии, а судья, великий мудрец, спрашивал меня, кого я люблю больше — папу или маму; я ревел и ничего не мог понять. За что? Враги-родители расстались на всю жизнь непримиримо и злобно. Эта непонятность осталась во мне незаживающей душевной царапиной.

А здесь, на Щипке, было все по-другому. Вот и сейчас, в новогоднюю ночь за одним столом собрались разведенные родители и их дети (бывшая жена Арсения Александровича Тарковского Мария Ивановна, их дочь Марина и сын Андрей — с одной стороны, а с другой — Арсений Александрович, его нынешняя жена Татьяна Алексеевна и ее сын Алеша). До этого я никогда не видел такого.

Пока доваривалась картошка, мы с Марией Ивановной покуривали на крошечной коммунальной кухне. В ее живых глазах видна была смелая душа. Она была горда своей силой. Увидев ее фотографию, сделанную в молодые годы, каждый, я думаю, мог поверить, что эта женщина, наверняка, художница, поэтесса или актриса. Спокойного достоинства и сдержанности, вот чего недоставало нам всем (точнее, многим из нас) в те времена и, конечно, я считал, в первую очередь, мне самому. Все это было в Марии Ивановне Тарковской.

Я начал что-то ей рассказывать и, чтобы усилить внимание к моим речам, слегка дотронулся до ее плеча. Она, резко отстранившись, удивленно посмотрела на

меня и, попыхивая своим «Беломором», очень серьезно сказала: «Ты, дорогой, со своим характером можешь навсегда раствориться в людях...» Мне никто так искренне, в глаза, не давал такого неожиданного и серьезного совета. Ни до, ни после этого.

За столом никто в этом доме не заботился об умственном перевесе.

Андрей, по своей привычке резко повернув голову куда-то в сторону, стал рассказывать, как он недавно в какой-то компании встретил специалиста по криминалистике, и тот поведал об интересной особенности всех людей: во время крайней, смертельной опасности человек перестает видеть цвет. Мир становится для него чернобельным.

Арсений Тарковский.
Рис. В.Коновалова. 1987.

Его жена Татьяна Алексеевна производила на меня впечатление какого-то вечного ожидания. В ее лице была постоянная тень иронии. Кажется, она всегда спокойна, но покой ее, видимо, полон тревоги.

Андрей только что вернулся из Америки, где они вместе с Михаилом Ильичом Роммом представляли фильм «Иваново детство». Андрей рассказал о том, как они джентльменски договорились со своими неусыпными стукачами из их киноделегации: Андрею и Ромму (который, кстати, тоже был впервые в Америке) хотелось повидать города, людей, музеи, а тем, известным деятелям, нужно было обехать магазины и рынки.

Стороны уточнили место и время встречи и вечерами одновременно возвращались в отель. Каждый был занят своим делом...

Потом Андрей говорил, что ему очень аккуратно и с большой предосторожностью представители разных кинокомпаний предлагали остаться в Америке,

обещая свободные от опеки постановки и щедрые гонорары. Андрей в таких случаях отшучивался, говоря, что американская кухня ему не подходит, никуда не годится в сравнении с европейской.

— Как я хотела, чтобы Андрей стал дирижером. Учителя музыки находили у него большие возможности. А кино... это же океан людей, — тихо, с хрипотцой сказала Мария Ивановна, видимо, тяготясь этим рассказом и всячески желая его окончить.

А Андрей тем временем нюхал зеленую еловую веточку и помахивал ею у себя под носом.

Под низким абажуром родные и гости, облитые медовым светом, который леплял голые стены небольшой комнаты, сидели в такой известной, родной тесноте, без какой, кажется, не обходилось ни одно стечение друзей того бедного времени.

Арсений Александрович стал рассказывать недавнюю историю, как он жестоко обманулся в одном человекообразном человечке. Один поэт когда-то принес Арсению Александровичу отличные стихи, великолепно их читал на вечеринках друзьям и знакомым, был обаятельным компанейским парнем с гитарой. И вдруг совершенно точно было обнаружено, что стихи-то человечек читал чужие.

Все притихли, слушая эту грустную историю. И горько усмехнувшись, Арсений Александрович сказал:

— Я теперь еще больше убедился, что ангел и поэт несовместимы, что поэт — это человек со всеми его бескрылостями...

Потом уже я узнал, что настоящий автор тех отличных стихов работает и живет в котельной, следит за котлами; а кроме этого, он известный в своем кругу сварщик: к нему обращаются театральные художники, оформители интерьеров и просят их выручить: он варит сумасшедшие узоры из железа...

— А вообще, я же дожил до того возраста, когда могу, имею полное право бурчать... Да, бурчать! — весело, но сильно притворным и несколько дрожащим, чуть заикающимся голосом сказал Арсений Александрович.

— Бурчите! Бурчите, пожалуйста, Арсений Александрович! — подал голос Саша Гордон, муж Марины.

— Предлагаю выпить на посошок... — тем же веселым тоном произнес тост Арсений Александрович.

По мере того как Арсений Александрович прощался с Марией Ивановной, детьми и гостями, тихая веселость и свет как бы исчезали с его лица, голос становился все прерывистее, щеки подергивало, и видно было, что он насилу удерживает слезы.

Как-то так получилось, когда опомнились и посмотрели на часы — транспорт не ходит, и тогда стало ясно, что меня куда-то девать: спальные места на Щипке на этот раз были все заняты, а отпустить ночью на мороз в этом доме было не принято. И тогда, после короткого совещания Арсений Александрович решил взять меня к себе домой на «Аэропорт».

— Фальк, — прошептал, наклонясь к моему уху, Арсений Александрович и показал на картину в узком коридорчике его квартиры.

Говорят, что жилище всегда или менее точно выражает собой характер

человека, который в нем обитает. По самым неуловимым мелочам в обстановке, размещении и содержании этого жилища чувствуется, что здесь преобладает, любовь или вражда, согласие или ссора.

В этом смысле жилище Татьяны Алексеевны и Арсения Александровича как бы состояло из двух слагаемых: одно — «деловитость», другое — «расточительность». Вы проходите через комнату, которую можно назвать «деловитость», и попадаете в другую — «расточительность» (расточительность духа) — это кабинет, келья, книги, телескоп, словом, бесконечность. Становилось совершенно ясно, когда вы входили, что это маленькое жилище не зналось со скукой, но и не знало оживления кружков или компаний.

Введя меня в кабинет, Арсений Александрович как бы ожил и повеселел, мне показалось, повеселели даже стены комнаты.

Он долго сидел и молчал, не сводя глаз с книг и монографий, рядами стоявших за стеклами книжных шкафов.

— Давай посмотрим живопись... Мы же не из путильких...

Он медленно встал, подошел к полкам и вытащил оттуда несколько монографий.

— В комнате было слышно только, как шелестели листы.

— В жизни каждого человека хоть раз наступает такая пора, когда он бывает эгоистом, — начал Арсений Александрович, — когда человеку одно наблюдение, открытие начинает заменять весь мир, в его голове и сердце уже нет места для этого мира... Я говорю о Мондриане... Он всю жизнь рисовал и писал только одну грушу, которая росла у него под окном... Никогда ничего, кроме груши... И постепенно, наверно, незаметно для самого себя, художник начал рисовать вместо банального фруктового деревца сказочный канделябр из десятков, сотен квадратиков, потом квадратов, а потом и вовсе забыл о груше и ушел в чистые цветные квадраты... Может быть, квадрат Малевича — лепесток с его груши?

Арсений Александрович вдруг порывисто встал, и мне показалось, что он захотел пройти по комнате, но он постоял немного и, посмотрев в черное окно, тяжело опустился на стул.

— Теперь посмотрим на Луну, — Арсений Александрович развернулся к стоявшему рядом на окне телескопу, латуно-медный блик которого был неотъемлемой частью этой прекрасной кельи.

Какой-то мудрец сказал, что нет ни одного далекого места на земле, которое не было бы к чему-нибудь близко. И в ту ночь такое место обнаружилось — это была Луна: до нее отовсюду на Земле было далеко.

Мы по очереди смотрели на нее. Можно было разглядывать один какой-нибудь серебристый пейзаж, можно было двигаться между кратерами, отбрасывавшими мощные тени.

Мне до этого казалось, что такие сказочные штуки можно видеть только в мощные арагаские телескопы, а это чудо, оказывается, может произойти в комнатной золотой подзорной трубе.

Бледная заря узкой полоской обрезала небосклон столицы и, отражаясь сквозь морозные стекла окон, трепетала на стенах.

Москва

Написано для сборника воспоминаний об Арсении Тарковском (составитель — Марина Тарковская). Печатается в сокращении.

Русская мысль - Париж - 1995 - 9-15 нояб. - с. 11.